

М. ИСАКОВСКИЙ

И А К А З

С Ы Н У

с т и х и
о
войне

И-85

Р 31833

Советский писатель

1943

М. ИСАКОВСКИЙ

НАКАЗ СЫНУ

*стихи
о
войне*

МОСКВА 1943

Редактор *А. Твардовский*

A2632. Подписана к печати 20/IX 1943 г. Печ. л. 1^{1/2}.
Авт. л. 2,6. Уч.-изд. л. 2,67. Тираж 10 000. Заказ 1346

Цена 2 руб.

Тип. „Красный печатник“, Москва, ул. 25 Октября, 5

НАКАЗ СЫНУ

Мой сын родной! Прильни к земле скорей,
Услышь

Слезами залитое слово.

Мой сын родной! У матери твоей

Теперь — ни хлеба, ни земли, ни крова.

Пришли они, как черная чума,

Пришли

И кровью нашей упивались:

Угнали скот и подожгли дома,

Над старым и над малым надругались.

Где день, где ночь — скитаюсь я одна

По выжженным лесам и перелескам...

Мой сын родной! А где ж твоя жена?

Мой сын родной! А где ж моя невестка?

Сграбастали, схватили у двора
Погаными разбойными руками,
Глумилися до самого утра,
А там — прощай! — прикончили штыками.

Погибла сиротинушка твоя,
Замученная мукою жестокой...
Ее в могиле положила я
Лицом к тебе, лицом туда — к востоку.

Прильни к земле, и сквозь смертельный бой
Твоя душа услышит молодая,
Как плачет по тебе ее любовь,
Как плачет кровь, невинно пролитая.

Услышь, мой сын, и первым будь в бою,
Круши, карай неистовую силу
За всех за нас, за родину свою,
За эту безответную могилу.

Уничтожай поганое зверье,
Пали огнем, дави его машиной!
И в том благословение мое,
Которое навеки нерушимо.

МЫ ШЛИ...

Мы шли молчаливой толпою,—
Прощайте, родные места!—
И беженской нашей слезою
Дорога была залита.

Вздымалось над селами пламя,
Вдали грохотали бои,
И птицы летели за нами,
Покинув гнездовья свои.

Зверье по лесам и болотам
Бежало, почуя войну,—
Видать, и ему неохота
Остаться в немецком плену.

Мы шли. В узелки завязали
По горстке родимой земли.

И всю б се, кажется, взяли,
Но всю ее взять не могли.

И в горестный час расставанья,
Среди обожженных полей,
Сурово свои заклинанья
Шептали старухи над ней:

— За кровь, за разбой, за пожары,
За долгие ночи без сна
Пусть самую лютою карой
Врагов покарает она!

Пусть высохнут листья и травы,
Где ступит нога палачей,
И пусть не водою — отравой
Наполнится каждый ручей!

Пусть ворон — зловеющая птица —
Жует людоедам глаза,
Пусть в огненный дождь превратится
Горячая наша слеза!

Пусть ветер железного мщенья
Насильника в бездну сметет,

Пусть ищет насильник спасенья
И пусть он его не найдет,

И вечною казнью казнится,
Каменья грызя взаперти!..

Мы верили — суд совершится,
И легче нам было идти.

1942

ОДНА ДОРОГА ЕСТЬ У НАС

Друзья, терпеть и ждать нельзя,
Я все решил давно!

Какой бы город враг ни взял —
Мне больно все равно;

На чей бы дом в степи донской
Ни сбросил он фугас,—
Я чую, что взорвать и мой
Готов он хоть сейчас;

И чью б ни вырезал семью
Он, мастер черных дел,—
Я твердо знаю — и мою
Злодей в виду имел;

И чьих бы двушек и жен
Ни загонял в петлю,—

Я вижу — лапу тянет он
И к той, что я люблю.

Пока он жив — мне места нет
У мирного огня:
В кого б. ни целил людоед,—
Он целит и в меня.

Пока он жив — все будет то ж,
Не осушить нам слез:
Недаром он бандитский нож
Над всей землей занес.

Нам на одной планете жить
Нельзя с таким врагом!
Уж лучше голову сложить,
Чем стать его рабом,

Чем на себя ярмо надеть
На сто, на триста лет...
Нет! Победить иль умереть —
Вот мой, друзья, ответ.

И я с сегодняшнего дня
К винтовке штык примкну:

Одна дорога у меня —
Дорога на войну;

Одна она меня зовет,
И я готов идти,
Чтоб полный счет, последний счет
С моим врагом вести;

Чтоб взять его в железный круг
И не пустить назад,
Чтоб выбить из поганых рук
Поганый автомат;

Чтоб смять, разбить, разворошить
Фашистских молодцов
И навсегда к земле пришить
Железом и свинцом! —

На то иду, на том стою,
В том вся моя корысть.
Сломаю штык, приклад собью, —
Зубами буду грызть!

Пока живет немецкий бог —
Грабитель и палач, —

Нет у меня других дорог
И нет других задач.

А коль придется в битве пасть,
А коль погибну я,—
За нашу жизнь, за нашу власть
Пойдете вы, друзья;

Пойдете бить, кромсать и жечь,
Рубить его с плеча!
Пусть тот, кто первым поднял меч,
Погибнет от меча!

Пусть он найдет свой смертный час,
Получит все сполна!..
Одна дорога есть у нас,
Одна, друзья, одна.

Август. 1942

СТАРИК

У вырванных снарядами берез
Сидит старик, а с ним собака рядом.
И оба молча смотрят на погост
Каким-то дымным невеселым взглядом.
Ползет туман. Накрапывает дождь.
Над мертвым полем воронье кружится...
— Что, дедушка, наверно, смерти ждешь?
Наверно, трудно с немцами ужиться?
Старик помедлил. Правую рукой
Сорвал с куста листочек пожелтый:
— В мои года не грех и на покой,
Да, вишь, без нас у смерти много дела.
Куда ни глянь — лютует немчура,
Конца не видно муке безысходной.
И у меня вот от всего двора
Остался я да этот пес голодный.

И можно ль нам такую боль стерпеть,
Когда злодей всю душу вынимает?..
В мои года не штука помереть,
Да нет, нельзя — земля не принимает.

Она — я слышу — властно шепчет мне:
«Ты на погосте не найдешь покоя,
Пока в привольной нашей стороне
Хозяйничает племя нелюдское.

Они тебе сгубили всю семью,
Твой дом родной со смехом поджигали;
Умрешь — могилу тихую твою
Железными затопчут сапогами...»

И я живу. Своим путем бреду,
Запоминаю, что и где творится.
Злодействам ихним полный счет веду,—
Он в час расплаты может пригодиться

Пускай мне тяжело. Это ничего.
Я смерть не позову, не потревожу,
Пока врага, хотя бы одного,
Вот этою рукой не уничтожу.

МСТИТЕЛИ

Уже промчались многие недели,
Но этот день никто забыть не мог...
Здесь даже сосны с горя поседели,
Здесь даже камни плачут у дорог.

Как позабыть, когда пылали хаты,
Когда качались мертвецы в петле,
Когда валялись малые ребята,
Штыками пригвожденные к земле?

Как позабыть, когда слепого деда,
В зверином исступлении своем,
К двум танкам привязали людоеды
И разорвали надвое живьем?

Забудь нельзя! И мы не позабыли,
Убийцам не простили ничего.

И пусть нам трубы сбора не трубили,—
На сбор пошли мы все до одного.

Мы собирались под столетним дубом
У стариков совета попросить,
И те сказали: племя душегубов
Земля не может на себе носить!

И под родным, под белорусским небом
Мы поклялись за мертвых и живых,
И в ту же ночь в стальную книгу гнева
Огнем вписали вражьих часовых.

С тех пор злодеев полегло немало,—
Навек нашли убежище свое! —
Повсюду гибель их подстерегала,
Хотя они не видели ее.

Она ждала их в поле и в дубраве,
Глядела из-за каждого куста,
Она рвала мосты на переправе
И под откос пускала поезда.

Она косила псов из пулемета,
И сколько их покошено — сочти!

Она вела их в топкие болота,
Откуда нет обратного пути.

Она их на ночь в хату приводила,
Поила водкой, клала на кровать;
Когда же солнце поутру всходило,—
С кровати было некому встать.

Мы поклялись: и в летний зной, и в
стужу

Им не давать покоя ни на миг.
Мы поклялись: не складывать оружия,
Пока живет хотя один из них.

И мы своей не уронили чести,
Не позабыли славы боевой,—
И днем, и ночью древо нашей мести
Над вражеской бушует головой.

НЕ У НАС ЛИ, ПОДРУЖЕНЬКИ...

(Песня о фашистской неволе)

Не у нас ли, подруженьки,
Под весенними зорями,
Пели вечером девушки
О цветке о лазоревом?

Пели вечером девушки
О цветке о лазоревом,
Соловьи с гармонистами
До полуночи спорили.

Не по этой ли улице
С нами шла, горделивая,
Наша вольная волюшка,
Наша доля счастливая?

Наша доля счастливая
С нами шла, красовалась,—

Не на нас ли, подруженьки,
Вся земля любовалася?..

Словно коршуны злобные,
Налетели насильники,
Приднепровские пажити
Превратили в могильники

Растоптали без жалости
Наш цветочек лазоревый,—
Гармонистов повесили,
А девчат опозорили.

Дни и ночи без отдыха
Всех работать заставили,
За колючую изгородь
На мученье отправили.

Насмерть бьют нас прикладами,
Рвут руками нетрезвыми,
Поливают нам головы
Все дождями железными.

Где ж найти нам спасение
От злодея жестокого?..

Долеги, наша жалоба,
До Кремля до высокого;

Дайся в руки надежные,
В руки верные Сталина,
Расскажи ему, горькая,
Как земля опечалена;

Как мы утром и вечером
Смотрим в даль заднепровскую —
Все на ту на широкую
На дорогу московскую:

Может, знамя победное
Вдалеке заколышется,
Может, Красная Армия
Нам на выручку движется.

Ждут ее, долгожданную,
И мужчины и женщины,
Ждут леса белорусские,
Ждут пригорки Смоленщины.

Все навстречу ей кинется,
Все навстречу ей тронется,

В ноги сталинской армии
Каждый кустик поклонится.

Рухнет тяжесть безмерная,
Что на плечи нам взвалена...
Вся надежда, подруженьки,
Вся надежда на Сталина.

1942

«КРУТИТСЯ, ВЕРТИТСЯ ШАР ГОЛУБОЙ...»

1.

Лессм, полями — дорогой прямой
Парень идет на побывку домой.

Ранили парня, да что за беда?
Сердце играет, а кровь молода.

— К свадьбе залечится рана твоя,—
С шуткой его провожали друзья.

Песню поет он, довольный судьбой:
«Крутится, вертится шар голубой,

Крутится, вертится, хочет упасть...»
Ранили парня, да что за напасть?

Скоро он будет в отцовском дому,
Выйдут родные навстречу ему;

Станет его поджидать у ворот
Та, о которой он песню поет.

К сердцу ее он прильнет головой...
«Крутится, вертится шар голубой...»

2

Парень подходит. Нигде никого.
Горькое горе встречает его.

Черные трубы над снегом торчат,
Черные птицы над ними кричат.

Горькое горе, жестокий удел!..
Только скворешник один уцелел.

Только висит над колодцем бадья...
— Где ж ты, родная деревня моя?

Где ж эта улица, где ж этот дом,
Где ж эта девушка, вся в голубом?..

Вышла откуда-то старая мать:
— Где же, сыночек, тебя принимать?

Чем же тебя накормить-напоить?
Где же постель для тебя постелить?

Все поразграбили, хату сожгли,
Настю, невесту, с собой увели...

3

В дымной землянке погас огонек,
Парень в потемках на сено прилег.

Зимняя ночь холодна и длинна.
Надо бы спать, да теперь не до сна.

Дума за думой идет чередой.
— Рано, как видно, пришел я домой.

Нет мне покоя в родной стороне,
Сердце мое полыхает в огне.

Жжет мою душу великая боль.
Ты не держи меня здесь, не неволь,

Эту смертельную муку врагу
Я ни забыть, ни простить не могу...

Из темноты отзывается мать:
— Разве же стану тебя я держать?

Вижу я, чую, что сердце болит.
Делай, как знаешь, как совесть велит...

Поле да небо. Безоблачный день.
Крепко у парня затянут ремень,

Ловко прилажен походный мешок,
Свежий хрустит под ногами снежок.

Вьется и тает махорочный дым,—
Парень уходит к друзьям боевым.

Парень уходит — судьба решена,—
Дума одна и дорога одна...

Глянет назад: в серебристой пыли
Только скворешник маячит вдали.

Выйдет на взгорок, посмотрит опять,—
Только уже ничего не видеть.

Дальше и дальше родные края...

— Настенька, Настенька — песня моя!

Встретимся ль, нет ли мы снова с тою
«...Крутится, вертится шар голубой...»

ОТЦОВСКИЙ ДОМ РАЗГРАБЛЕН И РАЗРУШЕН

Отцовский дом разграблен и разрушен.
В огне, в дыму Смоленщина моя.
Кругом война. И, в руки взяв оружие,
Спешат на фронт и братья, и друзья.

И горько мне, что я больной и хворый,
Что без меня идут они на бой,
На бой за родину, судьба которой
Навеки стала нашею судьбой.

Глаза мои померкли раньше срока,
Слабей, слабей заря моя горит.
И тяжелее тяжкого упрека
Нерадостное слово — инвалид.

О, если б не было его в помине! —
Хоть сотни верст прошел бы я пешком,

Чтоб где-нибудь у города Медыни
Поговорить по-своему с врагом;

Чтоб за свою Смоленщину родную
Его огнем смертельным опалить,
Чтоб в русскую могилу ледяную
Загнать и сверху камень навалить!

Но мне в бою не встретиться с врагами,
В огне войны не мчаться напролом;
Сиди, терпи, как в поле на кургане
Степной орел с простреленным крылом.

А дни бегут. А сила не вернется.
А старость бродит по моим следам...
Пусть будет так. Но все же сердце бьется
И это сердце — без остатка — там.

Оно слыхало перые удары
Стального грома вражых батарей,
Оно вдыхало чернй дым пожаров,
Оно видало слезы матерей,

Оно в себя впитало боль и стоны
Людей, сожженных на костре живьем,
И слово мести — жгучей, непреклонной —
В глухую полночь зародилось в нем.

И я, как знамя, поднял это слово.
Живое слово сердца моего.
И я возу, чтоб в дни борьбы суровой.
Никто из нас не забывал его;
Чтоб вместе с ним в январские метели
Шли партизаны тайною тропой;
Чтоб вместе с ним громили вражьи цели
Артиллеристы, начиная бой;
Чтоб от него кругом земля пылала,
Чтобы врагу ни охнуть, ни вздохнуть;
Чтоб силой и отвагой несбывальной
Оно бойцам переполняло грудь.
И, может быть, боец на поле бранном,
Услышав слово правое мое,
Смелей направит штык четырехгранный,
Верней нацелит меткое ружье.
И, может быть, подкараулив ката,
Не пожалеет партизан огня
И сверх всего пошлет еще гранату,
И та граната будет за меня.

КАЛИНА

(По народным мотивам)

Помнишь — на пригорке,
В стороне родной,
Расцвела калина
Над рекой Десной?

Расцвела калина
Над рекой Десной,
Прилетал к калине
Соловей лесной.

Прилетал, залетный,
На нее взглянуть,
До утра калине
Не давал заснуть.

Слушала калина,
Словно замерла,—

Вся в цвету весеннем,
Вся белым-бела...

Помнишь — у калитки,
У ворот с резьбой,
В сумерки встречалась
Девушка с тобой?

В сумерки встречалась,
На берег вела.
На заре прощалась,
Как заря, светла;

Легкая, взлетала
На крыльцо свое.
И назвал ты счастье
Именем ее.

Было этим счастьем
Все кругом полно...
Где же это счастье,
Где теперь оно?

Злая нечисть вражья
По земле прошла,

Белая калина
Замертво легла.

Над рекой калине
Больше не шуметь,
Соловью весною
Некуда лететь.

Обвила калину
Лютая змея,
Отдана в неволю
Девушка твоя.

Отдана в неволю —
Плакать целый век
У чужих, посылых,
У немецких рек.

Не встречаться больше
Вам в родном краю,
Коль живым оставишь
Недруга в бою;

Коль не вгонишь в землю,
Коль простишь ему,—
Не придет подруга
К дому твоему.

Не придет, не выйдет
На реку Десну,
А тебя навеки
Проклянет в плену.

Так возьми ж скорее
Верное ружье,
Из неволи счастье
Вызволяй свое;

Стань орлом могучим
Против воронья,
И к тебе вернется
Девушка твоя;

Над рекой Десною,
Над родным селом,
Загремит весенний
Соловьиный гром;

Зацветет калина,
Зашумит камыш...
Разве ж ты забудешь?
Разве ж ты простишь?

ДАЛЕКО СЕЛО МОЕ, РЕБЯТА

Где мой дом, моя родная хата? —
Вспоминать об этом не легко...
Далекó село мое, ребята,
Далекó за фронтом, далекó.

И не знаю, почему мне снится,
Почему мне кажется порой,
Что оно и до сих пор дымится
Над холодной мутною рекой;

В небе птицы мечутся в испуге,
Негде им укрыться от беды,
И свои обугленные руки
Простирают над землей сады.

А земля затоптана врагами, —
Хлеб не всходит, не растет трава,

И шуршит печально под ногами
Лишь сухая ржавая листва.

Люди бродят, как живые тени,
Падают от ветра на пути...
И от этих горестных видений
Я покоя не могу найти.

И хожу я, словно виноватый,
Что чума вошла в наш дом родной...
Далеко село мое, ребята,
Далеко за фронтом, за войной.

Только — что бы ни было со мною —
Я к нему дорогу проложу,
В смертной битве с нелюдью чумною
Сил своих, себя не пощажу.

Я пройду через леса и реки
В те места, где вся земля черна,
Где сады не зашумят вовеки,
Коль со мною не придет весна.

И когда я — в поле или в роще —
Отправляю немца на погост,

Длинный путь становится короче,
Может, сразу на десятки верст;

Может, там — лишь брошу я гранату—
Оживает дерево в саду...
Далеко село мое, ребята,
Но туда я все-таки приду.

1943

УКРАИНА МОЯ, УКРАИНА...

Памяти неизвестного лейтенанта, героически погибшего в боях за Украину.

Пробил час, наступило мгновение,
И в неясной предутренней мгле
Поднимались войска в наступленье,
Шли войска к украинской земле;
Шли на запад по снежным равнинам
Земляки, побратимы, друзья...
Украина моя, Украина,
Мать родная моя!

Все, что думалось, чудилось, пелось,—
Все на этом лежало пути...
Раньше всех лейтенанту хотелось
До своей Украины дойти.
Вся в цвету вспоминалась калина,

Что под вечер ждала солдвья..
Украина моя, Украина,
Мать родная моя!

Сколько б верст до тебя ни осталось,
Мы к порогу придем твоему..
Но упал лейтенант, и казалось,
Что уже не подняться ему:
Налетела немецкая мина,
Жаркой крови хлеснула струя..
Украина моя, Украина,
Мать родная моя!

Всю тебя искромсали, скрутили,
Исковеркали всю чужаки..
— Поднимите меня, побратимы,
Дайте на ноги встать, земляки!
Я рядов боевых не покину,
Пусть умру, но дойду до нее..
Украина, моя Украина,
Сердце мое!..

Мы противиться были не в силах,
Возразить не могли ничего,—
В те часы даже смерть отступила

Перед жгучим желаньем его.
Он поднялся: — За мною, орлята! —
И взметнулась людская волна.
И видны уже белые хаты,
Украина видна!..

Он дошел до родимого края,
С честью выполнил воинский долг.
Но, последние силы теряя,
Покачнулся, упал и замолк.
Скорбно шапки снимала дружина —
Земляки, побратимы, друзья...
Украина моя, Украина,
Ненько моя!..

Январь, 1943

ПИСЬМО ПО РАДИО

Родной мой батя! Шлем тебе поклон —
И я, и мать, и дедушка Семен.

Всего хорошего тебе желаем,
А где ты сам — про это мы не знаем.

Да, к нам тайком — видать, для важных
дел —

Один советский летчик прилетел,

И он сказал, что сможет мой листок
В Москву отправить в подходящий срок.

А там его по радио прочтут,
Чтоб ты узнал, как нам живется тут.

И я листок пишу на пне дубовом...
Пока что все мы живы и здоровы;

Одна беда — ни хаты, ни двора,
Взрвала все, спалила немчура.

А перед тем повыгребли картошку,
Забрали хлеб, обувку и одежду.

Затем хотели всех, как есть, подстать
На каторгу в неметчину сослать.

А тех, кто подчиняться не желал,
По чем попало били наповал.

И наша б тоже очередь пришла,
Да мы уйти успели из села;

Хоть кое-как, но вырвались живьем
Теперь в лесу под елками живем.

Большой шалаш поставили себе,
Приладились почти что, как в избе,

Никто не мучит нас, не покукает,
Досадно только — крыша протекает,

Да не дают покоя муравьи,
Да заползли недавно две змеи.

Но как-никак, а все-таки затишно,
И немчуры не видно и не слышно —

Они ходить боятся по лесам:
Здесь партизаны — понимаешь сам.

Теперь одна осталась нам забота:
Что день, что ночь уж очень есть охота.

Грибы да мох — вот он и весь обед,
А соли тоже ни крупицы нет.

Вот если б клюква — это было б дело!
Да клюкве рано. Клюква не поспела.

Орехи тоже, словно на беду,
Совсем пропали в нынешнем году.

Весь день проходишь — все одно и то ж:
Ни одного ореха не найдешь.

Дед говорит — коль не случится чуда,
То нам уже не выбраться отсюда:

Все перемрем — и он, и я, и мать,
И некому нас будет закопать.

А я и думать о таком боюсь...
Ужель тебя и вправду не дождусь?

Ужели ж нам валяться на земле,
А немцы будут бражничать в селе?..

Родной мой батя! Бей ты их скорей! —
Они же, звери, хуже всех зверей.

И если их не задушить, гадюк,
Тогда уж верный будет нам каюк.

Вот скоро лето подойдет к концу, —
А как же нам зимою жить в лесу?

Где нам согреться, как завост вьюга?
На всех троих у нас одна дерюга

Да три мешка, да лапти сплел нам дед.
А больше ничего такого нет...

А немцам что ж? Они в тепле живут,
Сидят себе да наше сало жрут...

Родной мой батя! Бей ты их, собак!
Иначе нам не встретиться никак.

И всем красноармейцам расскажи,
Какие здесь повсюду грабежи,

Как убивают жителей на месте,
Как мы в лесу живем с волками вместе.

Пускай красноармейцы день и ночь
Идут вперед и гонят немцев прочь

Не то — шабаш! Погибнем, словно мухи,
От холода, от лютой голодухи.

И так уж нам ни охнуть, ни вздохнуть...
Родной мой батя! Сделай что-нибудь...

А я уж тут все силы напрогу
И буду ждать тебя, пока смогу...

Август, 1942

РАССКАЗ СТАРУХИ

Я весь свой век жила в родном селе,
Жила, как все,— работала, дышала,
Хлеба растила на своей земле
И никому на свете не мешала.

И жить бы мне спокойно много лет,
Женить бы сына, пестовать внучонка...
Да вот, поди ж, нашелся людоед,
Пропала наша тихая сторонка.

Хлебнули люди горя через край,
Такого горя, что не сыщешь слова.
Чуть что не так — ложись и помирай,
У немца все для этого готово.

Чуть что не так — петля да пулемет,
Тебе конец, а им одна потеха...

Притих народ. Задумался народ.
Ни разговора не слышать, ни смеха.

Сидим, бывало,— словно пни торчим.
Что говорить? — у всех лихая чаша.
Посмотрим друг на друга, помолчим,
Слезу смахнем — и вся беседа наша.

Замучил, гад. Замордовал, загрыз,
И мой порог беда не миновала:
Забрали все. Одних мышей да крыс
Забыли взять. И все им было мало!

Пришли опять. Опять прикладом в дверь
Встречай, старуха, свору их собачью...
Какую ж это, думаю, теперь
Придумал Гитлер для меня задачу?

А он придумал: — Убирайся вон!
Не то,— грозят,— раздавим, словно муху
— Какой же это,— говорю,— закон —
На улицу выбрасывать старуху?

Куда ж итти? Я тут весь век живу...—
Обидно мне, а им того и надо:

— Не сдохнешь, — мол, — и со скотом в
хлеву,
Ступай туда, свинья, — мол, — будет рада.

— Что ж, — говорю, — уж лучше бы свинья:
Она бы так над старой не глумилась,
Да нет ее. И виновата ль я,
Что всех свиной сожрала ваша милость?

Озлился, пес, и ну стегать хлыстом!
Избил меня и, в чем была, отправил
Из хаты вон... Спасибо и на том,
Что душу в теле все-таки оставил.

Пришла в сарай, уселась на бревно.
Сижу, молчу, раздета и разута.
Подходит ночь. Становится темно.
И нет старухе на земле приюта.

Сижу, молчу. А в хате той порой
Закрыли ставни, чтоб не видно было.
А в хате — слышу — пир идет горой, —
Стучит, грючит, гуляет вражья сила.

Нет, думаю, куда-нибудь уйду.
Не дам глумиться над собой злодею! —

Пока тепло, авось не пропаду,
А может быть, и дальше уцелею...

И долог путь, а сборы коротки,—
Багаж — в карман, а за плечо хворобу.
Не напороться б только на штыки,
Убраться б по-добру да по-здорову.

Но, знать, в ту ночь счастливая звезда
Взошла и над моею головою:
Затихли немцы, спит моя беда,
Храпят, гадюки, в хате с перепоею.

Пора итти. А я и не могу,
Целую стены, словно помешалась...
Ужели ж все пожертвовать врагу,
Что тяжкими трудами доставалось?

Ужели ж, старой, одинокой, мне
Теперь навек с родным углом проститься,
Где знаю, помню каждый сук в стене
И как скрипит какая половица?

Ужели ж, лиходею моему
Сиротская слеза не отольется?..

Уж если так, то лучше никсму
Пускай добро мое не достается!

Уж если случай к этому привел,
Так будь что будет — лучше или хуже!
И я дубовый разыскала кол
И крепко дверь притиснула снаружи.

А дальше, что же, — дальше — спички в ход,
Пошел огонь плести свои плетекки!
А я — через калитку, в огород,
В поля, в луга, на кладбище, в потемки.

Погоревать к покойнику пришла,
Стою перед оградой сосновой:
Прости, старик, что дом не сберегла,
Что сына обездолжила родного.

Придет с войны, а тут — ни дать, ни взять,
В какую дверь стучаться — неизвестно...
Прости, сынок! Но не могла я стать
У немчуры скотиной бессловесной.

Прости, сынок! Забудь отцовский дом.
Родная мать его не пощадила,

На все пошла, но праведным судом
Злодеев на погибель осудила.

Жестокую придумала я мeсть —
Живьем сожгла, огнем сжила со света!
Но если только бог на свете есть,
Он все грехи отпустит мне за это.

Пусть я стара и пусть мой волос сед, —
Уж раз война, — так всем идти войною...
Тут подошел откуда-то сосед,
С ружьем в руках, с котомкой за спинок

Он осторожно посмотрел кругом,
Подумал молча, постоял немного.
— Ну, что ж, — сказал, — Антоновна, идем
Видать, у нас теперь одна дорога.

И мы пошли. Сосед мой впереди,
А я за ним заковыляла сзади.
И вот смотри — полгода уж, поди,
Живу в лесу, у партизан в отряде.

Варю обед, стираю им белье,
Чиню одежду, не сижу без дела.

А то бывает, что беру ружье,—
И эту штуку одолеть сумела.

Не будь я здесь, валяться б мне во рву,
А уж теперь, коль вырвалась из плена,
То Гитлера и впрямь переживу.
Уж это так. Уж это непременно.

В ПРИФРОНТОВОМ ЛЕСУ

С берез — неслышен, невесом —
Слетает желтый лист,
Старинный вальс «Осенний сон»
Играет гармонист.

Вздыхают, жалуясь, басы,
И, словно в забытии,
Сидят и слушают бойцы —
Товарищи мои.

Под этот вальс весенним днем
Ходили мы на круг,
Под этот вальс в краю родном
Любили мы подруг;

Под этот вальс ловили мы
Очей любимых свет,

Под этот вальс грустили мы,
Когда подруги нет.

И вот он снова прозвучал
В лесу прифронтовом,
И каждый слушал и молчал
О чем-то дорогом;

И каждый думал о своей,
Припомнив ту весну,
И каждый знал — дорога к ней
Ведет через войну...

Так что ж, друзья, коль наш черед,—
Да будет сталь крепка!
Пусть наше сердце не замрет,
Не задрожит рука;

Пусть свет и радость прежних встреч
Нам светит в трудный час!
А коль придется в землю лечь,
Так это ж только раз,

Но пусть и смерть — в огне, в дыму —
Бойца не утрашит,

И что положено кому —
Пусть каждый совершит.

Настал черед, пришла пора
Идем, друзья, идем! —
За все, чем жили мы вчера,
За все, что завтра ждем;

За тех, что вянут, словно лист,
За весь родимый край...
Сыграй другую, гармонист,
Походную сыграй!

ПРОЩАЛЬНАЯ

Далекий мой! Пора моя настала.
В последний раз я карандаш возьму..
Кому б моя записка ни попала,
Она тебе писалась одному.

Прости-прощай! Любимую веснянку
Нам не певать в веселый месяц май.
Споем теперь, как девушку-смолянку
Берут в неволю в чужедальний край;

Споем теперь, как завтра утром рано
Пошлют ее по скорбному пути...
Прощай, родной! Забудь свою Татьяну.
Не жди ее. Но только отомсти!

Прости-прощай!.. Что может дать рабыне
Чугунная немецкая земля?

Наверно, на какой-нибудь осине
Уже готова для меня петля.

А может, мне валяться под откосом
С пробитой грудью у чужих дорог,
И по моим по шелковистым косам
Пройдет немецкий кованый сапог..

Прощай, родной! Забудь про эти косы.
Они мертвы. Им больше не расти.
Забудь калину, на калине росы,
Про все забудь. Но только отомсти!

Ты звал меня своею нареченной,
Веселой свадьбы ожидала я.
Теперь меня назвали обреченной,
Лихое лихо дали мне в мужья.

Пусть не убьют меня, не искалечат,
Пусть доживу до праздничного дня,
Но и тогда не выходи навстречу —
Ты не узнаешь все равно меня.

Все, что цвело, затоптано, завяло,
И я сама себя не узнаю.

Забудь и ты, что так любил бывало,
Но отомсти за молодость мою!

Услышь меня за темными лесами,
Убей врага, мучителя убей!..
Письмо тебе писала я слезами,
Печалью запечатала своей!..

Прости-прощай!..

1942

ОТТУДА

В далекий путь, собравшись втихомолку,
Старуха ночью вышла из села.
Взяла ведро, взяла еще кошелку
И за собой корову повела.

Забыла все — и годы, и усталость.
Не побоялась никаких невзгод
И одного лишь, кажется, боялась,
Что вдруг ее корова заревет.

Услышат немцы — и пропало дело!
Убьют, замучат иль сведут с ума...
Но тут уж и корова не ревела,
Как будто знала, чуяла сама.

Так шли они из вражеского тыла
Вдали от сел, вдали от деревень —

Туда, где солнце по утрам всходило
Туда, откуда начинался день.

Так шли они нехоженой тропой
От леса к лесу, от ручья к ручью.
В пути старуха свежую травую
Кормила щедро спутницу свою;

Водою родниковую поила
И, словно дома, в тот же самый срок,
Под старыми березами доила,
Усевшись на какой-нибудь пенек.

И с горькой думой, в тихий час привала,
Пила неторопливо молоко
И снова, в путь корову поднимала:
— Идем, идем! Теперь недалеко.

Идем, идем! Авось, дойдем живые,
На счастье на старушечье мое...
На третьи сутки наши часовые
Увидели, окликнули ее.

— Свои, свои! — Она остановилась
С коровою, с кошелкою, с ведром.

Смущенная, неловко поклонилась.
Вот, мол, пришла со всем своим двором.

Пред ней бойцы столпились полукругом:
— Куда идешь, куда шагаешь, мать?
— Куда ж итти,— ответила старуха,—
Иду, бреду судьбу свою искать.

Иду, бреду, несу свои печали...—
И голос вдруг осекся и погас,
И мелкой дрожью губы задрожали,
И слезы, слезы сыпались из глаз.

Бойцы старуху отвели в землянку,
Стараясь обласкать наперебой.
Достали хлеба свежую буханку
И вскипятили чайник фронтовой.

— А ну-ка, мать, попробуй нашей пищи,
А мы с тобою рядом посидим.
Уж мы теперь судьбу твою разыщем,
Уж мы тебя в обиду не дадим.

Освоилась старуха, осмотрелась:
Хорошую нашла она семью!

И вдруг сказала: — Что ж я тут расселась?

А я ж пойду корову подою.

И вскоре с материнскою заботой

Она бойцов поила молоком.

И говорила, говорила что-то,

И называла каждого сынком.

ЗДЕСЬ ПОХОРОНЕН КРАСНОАРМЕЕЦ

Куда б ни шел, ни ехал ты,
Но здесь остановись,
Могиле этой дорогой
Всем сёрдцем поклонись.

Кто б ни был ты — рыбак, шахтер,
Ученый иль пастух,—
Навек запомни: здесь лежит
Твой самый лучший друг.

И для тебя, и для меня
Он сделал все, что мог:
Себя в бою не пожалел,
А Родину сберег.

1942

ОГОНЕК

Песня

На позиции девушка
Провожала бойца,
Темной ночью простилася
На ступеньках крыльца.
И пока за туманами
Видеть мог паренек,
На окошке на девичьем
Все горел огонек.

Парня встретила славная
Фронтная семья,
Всюду, были товарищи,
Всюду были друзья.
Но знакомую улицу
Позабыть он не мог:
— Где ж ты, девушка милая?
Где ж ты, мой огонек?

И подруга далекая
Парню весточку шлет,
Что любовь ее девичья
Никогда не умрет;
 Все, что было загадано,
 В свой исполнится срок,—
 Не погаснет без времени
 Золотой огонек.

И просторно, и радостно
На душе у бойца
От такого хорошего,
От ее письмеца.
 И врага ненавистного
 Крепче бьет паренек
 За советскую Родину,
 За родной огонек.

ПРИПОМНИМ, ДРУЗЬЯ И ПОДРУГИ...

Посвящается №-скому заводу

Сегодня, на празднике людном,
Мы с вами припомним, друзья,
Как двигалась в путь многотрудный
Рабочая наша семья;

Как смертью нам немцы грозили,
Как шли в Подмосковьи бои,
Как мы под бомбежкой грузили
Станки заводские свои;

Как, сидя в теплушках на сене,
Глядели мы в сумрак ночной,
Как где-то в тумане осеннем
Остался наш город родной...

Припомним, друзья и подруги,
Расскажем без всяких прикрас,

Какие свирепые вьюги
На пристани встретили нас;

Как в старой нетопленной школе
Мы жили у мертвой реки;
Как сердце сжималось от боли,
Что снег заметает станки;

Что к ним не придут пароходы
Ни с этой, ни с той стороны,
Что дальше нам не было ходу,
Быть может, до самой весны...

Припомним, друзья и подруги,
Как ночи и дни напролет
По той незнакомой округе
Искали мы с вами подвод;

Как тяжело тащили на сани
Железную грузную кладь,
Тащили и падали сами,
И, вставши, тащили опять;

Как вдаль — по полям, по откосам,
По длинной дороге степной —

Пошли; потянулись обозы
На целые версты длиной.

Весь свет застилала пороша,
Пройдешь — и не видно следов...
И все же мы вынесли ношу,
В которой сто тысяч пудов;

И все же,— хоть тяжко нам было,—
Спасли, отстояли завод.
И вот он — на полную силу
Работает, дышит, живет!

Тсварищи, вспомним об этом
И будем тверды до конца!
И пусть торжествующим светом
Наполнятся наши сердца;

Пусть душу согреет сознание,
Что мы ни на шаг, ни на миг
В суровые дни испытанья
Не сдали позиций своих;

Что мы никому не давали
Позорить рабочую честь

И что в фронтовом арсенале
И наше оружие есть;

И наше грохочет громами
В годину великой войны...
Когда-то мы делали с вами
Часы для советской страны;

Когда-то в уюте квартирном,
В спокойные ясные дни,
На стенах, на столике мирном
Секунды считали они.

Но в наши дома оголтело
Вломились немецкие псы,
И Родина нам повелела
Готовить иные часы,—

Часы со смертельным заводом
Для тех, кто пошел на грабеж,
Для тех, кто над нашим народом
Занес окровавленный нож;

Часы для злодеев матерых,
Что кровь неповинную льют;

Часы, после боя которых
Враги никогда не встают.

Так что же, друзья и подруги!
Пусть будет работа дружна!
Пусть наши проворные руки
Похвалит родная страна;

Пусть станет для немцев грозюю
Советский завод часовой,
Пусть плачут кровавой слезою
Враги над своей головою;

Пусть ночи встают гробозые
Над тем, кто нацелился в нас,
Пусть наши часы боевые
Пробьют его смертный час!

УРОЖАЙНАЯ ПЕСНЯ

Словно вешняя дубрава
В теплый, ясный месяц май,
Зашумела наша слава —
Наш колхозный урожай.

За него мы клятву дали
В грозном ныншнем году,
Для него ночей не спали,
Забывали про еду.

Для него в поля родные
Торопился стар и мал,
Чтоб колосья золотые
Он все выше поднимал;

Чтоб вливался в каждый стебель
Сок земли и свет зари,
Чтоб росли на нашем хлебе
Силачи-богатыри.

И смотрите — в летнем зное
Он встает у всех дорог,
Перекатною волною
Ходит вдоль и поперек.

Труд людской не сгинул даром,
С хлебом будет вся страна,
Будут полные амбары
Полновесного зерна.

И оно рекой польется
К тем, о ком земля поет,
Кто с врагом бесстрашно бьется,
Кто оружие кует;

И его живые соки
Переполнят грудь бойца,
И боец в борьбе жестокой
Будет стойким до конца!

Набирайся ж силы грозной,
Прошуми из края в край,
Наш военный, наш колхозный,
Наш победный урожай!

1942

ПАРТИЗАН

Если враг обеспокоен,—
Значит, вновь пришел Иван,
Знаменитый русский воин,
Приднепровский партизан.

По неведомым дорогам
Бродит он из края в край
И фашистов понемногу
Отправляет прямо в рай.

Тихо выйдет на опушку,
Подождет и в нужный час
Вмиг возьмет врага на мушку.
Укокошит в самый раз.

Укокошит, уничтожит —
Бьет без промаха Иван —
И для памяти положит
Белый камешек в карман.

Скажет: — Снова есть один!
Снова двести десятин!

И опять спокойным шагом
По лесам да по оврагам
Он уходит в дальний путь,
Чтобы немцу-чужеземцу
Глотку пулею заткнуть.

Ясным днем иль ночью черной,
Он всегда мишень найдет.
И — глядишь — в карман просторный
Новый камешек кладет:
— Снова, стало быть, один!
Снова двести десятин!..

И живет Иван, не тужит —
Удалая голова..

— Только ты скажи нам, друже,
Как понять твои слова?
Почему на десятины
Ты ведешь убитым счет?..

— Есть на то свои причины, —
Отвечает патриот. —
Прошлый год, когда с Россией

Вздумал Гитлер воевать,
Приказал он генералам
Всех солдат к нему позвать,

Всех солдат и офицеров —
Палачей и кровопийц,
Всех воров и изуверов,
Людоедов и убийц.

Видно, в них разжечь отвагу
Захотел немецкий псих
И поэтому бумагу
Выдал каждому из них.

В той бумаге напечатал:
«Дескать, так придумал я,
Чтобы жили все солдаты,
Как бароны и князья;
Дескать, я назначил сроки
И предвижу день я час...
Посмотрите — на востоке,
Сколько там земли для вас!
Так идите ж, забирайте,
Добивайтесь своего!
Бейте русских, разоряйте,
Не жалейте никого!

Пусть не ждут они пощады
Пусть полягут, как один!..
Я за это вам в награду
Дам по двести десятин.
Заживете вы спокойно,
Будет слава и доход...»

С той бумагою разбойной
И пошли они в поход.
Шли войной молниеносной,
Истребительной войной
За крестьянской, за колхозной,
За советскою землей.

Запылали наши хаты,
Застонали города..
И взяла меня, ребята,
Злоба лютая тогда:

«Ишь, придумали бумагу,
Ишь, нашелся фон-барон!» --
И немецкого бродягу
Зарубил я топором.

«Вот-те двести десятин,
Проходимец, сукин сын!

Подыхай, собачья милость,
Ожидай другого дня!..»

С той поры и появилась
Поговорка у меня.
С ней ушел я в глушь лесную,
С ней повел своих друзей
Очищать страну родную
От баронов и князей.

Раздобыли мы винтовки,
Захватили пулемет.
В преисподнюю путевки
Немцам пишем круглый год.
Где штыком, где пулей меткой
Бьем баронов наповал.

Сто квадратных километров
Я один отвоевал.

Покосил я псов немало
И всегда готов косить,
Только жаль вот — трудно стало
Эти камешки носить...

1942

ПОРОСЯТА

Поутру пришел в отряд
Дед лесной тропюю,
Пару жирных поросят
Притащил с собою.

— Пусть побегают пока
В нашем вольном стане...—
И пустил у большака
На лесной поляне.

Кто-то стал над ним шутить,
Дескать: — Что ты, старый?
Немца, что ли, угостить,
Хочешь этой парой?

— А хотя бы и его,—
Дед ответил смело.—

Поросята — ничего,
Не испортят дела.

Пусть приходит хоть сейчас,
И — уж будь надёжен! —
И накормим в самый раз,
И в постель уложим...

Посмеялись и в кустах
Скрылись партизаны,
Только старый — ни на шаг
От своей поляны.

Сел на пень, достал кисет,
Смотрит на дорогу:
Едут гости или нет
К нашему порогу?

Курит, шутит сам с собой,
Греясь на припеке..
Над поляною лесной
День стоит высокий.

Ходит ветер, чуть дыша,
По траве несмятой,

И копают неспеша
Землю поросята.

Час и два сидит старик,
Ожидая срока..
Вдруг зафыркал грузовик
Где-то недалеко.

Мигом в чашу юркнул дед,
Командиру шепчет:
— Немцы едут на обед,—
Угощай покрепче!..

Видят немцы: что за чорт?
Посредине бора
Поросята — первый сорт —
Ходят без надзора!

Ходят в мирной простоте,
Тихо землю роют.
А у немцев в животе
Словно волки воют.

Кто ж из немцев в этот миг,
Кто б не поживился?

Тут уж даже грузовик
Сам остановился.

(Грузовик у них такой,
Вымуштрован тонко:
Тормозится сам собой,
Встретив поросенка.)

Лихо с места сорвалась
Бравая пехота;
На поляне началась
Жаркая охота.

Обложили поросят
Сзади, слева, справа;
Ловят, бегают, галдят
Всею своею оравой.

Взяли, бедных, в переплет,—
Никакой потцады!..
Тут и ахнул пулемет
В немцев из засады.

Те пока в себя пришли
Да назад махнули,

А уж пятеро легли,
Ноги протянули.

Впрочем, скоро всем нашлось
Место с ними рядом:
Здесь не тратит на-авось
Партизан зарядов!

Все свалились, как один,
Безо всякой фальши,
Ни один собачий сып
Не уехал дальше.

Поглядел кругом старик:
Чистая работа!
— Разыграли, — говорит, —
Немца, как по нстам.

Ловко встретили его,
Крепко дали сдачи!
Поросенок — он... того...
Очень много значит.

СО Д Е Р Ж А Н И Е .

Наказ смну	3
Мы шли	5
Одна дорога есть у нас.. . . .	8
Старик	12
Мстители	14
Не у нас ли, подруженьки	17
„Крутится, вертится шар голубой“	21
Отцовский дом разграблен и разрушен	25
Калина	28
Далеко село мое, ребята	32
Украина моя, Украина	35
Письмо по радио	38
Рассказ старухи	43
В прифронтовом лесу	50
Процальная	53
Оттуда	56
Здесь похоронен красноармеец	60
Огонек	61
Припомним, друзья и подруги	63
Урожайная песня	68
Партизан	70
Поросята	75
